

САНКЦИИ! САНКЦИИ... САНКЦИИ?

12.03.2015

Сергей АЛЕКСАНДРОВИЧ АЛЕКСАНДРОВИЧ АЛЕКСАНДРОВИЧ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ЭКОНОМИСТ

Год назад страны Запада ввели первые санкции против российских юридических лиц и граждан, и теперь можно уже смело говорить об их весьма невысокой эффективности.

Главной целью введения санкций было прекращение агрессии России на Украине. Однако Россия, не обращая на них внимания, последовательно:

- 1) присоединила Крымский полуостров;
- 2) развязала вооруженный конфликт на востоке Украины;
- 3) к осени 2014 г. (Минск-1) фактически превратила существенную часть Донецкой и Луганской областей в независимое от Киева территориальное образование;
- 4) в феврале 2015 г. (Минск-2) резко увеличила территорию, находящуюся под контролем сепаратистов, включая логистически важные аэропорт Донецка и Дебальцево.

Таким образом, можно смело утверждать, что ни одна из волн санкций не приводила к тому, чтобы Россия хотя бы прекратила эскалацию конфликта.

Президент Обама несколько раз заявлял, что хотя введенные санкции не привели к достижению желаемого политического результата, их введение оказало существенное влияние на российскую экономику, резко ослабив ее устойчивость. Такое утверждение, на мой взгляд, является сильным преувеличением не только в отношении российской экономики, в целом, но и в отношении ближайшего окружения Владимира Путина.

Введенные против друзей российского президента персональные санкции не были распространены на членов их семей, которые были юридическими владельцами активов или стали ими после введения санкций. Кроме того, персональные санкции не предусматривали суммирования долей владения, что выводило из-под действия санкций, например, такие компании, как СОГАЗ и Газпромбанк.

Многие говорят, что введенные секторальные санкции обусловили резкое ухудшение экономической ситуации в России и спровоцировали жесткий финансовый кризис в декабре прошлого года. Однако и это утверждение не выдерживает проверки на устойчивость:

1) секторальные санкции против российской нефтегазовой промышленности распространяются на арктические глубоководные и сланцевые месторождения, находящиеся в стадии геологического изучения, поэтому никакого влияния на текущие объемы добычи углеводородов они не оказывают;

2) сразу после введения секторальных санкций западные сервисные компании отказались от заключения любых новых контрактов с российскими нефтегазовыми компаниями. Если бы эта ситуация оставалась устойчивой, то спад в добыче углеводородов в России мог бы начаться уже в конце 2015 года. Однако к концу прошлого года эта угроза была сведена на нет, т.к. западные компании стали заключать контракты на свои дочерние структуры. А Schlumberger пошла еще дальше – купила 45,65% акций крупнейшей российской буровой компании Eurasia Drilling Company;

3) финансовые санкции – запрет на привлечение нового финансирования – оказались более действенными и привели, практически, к полному закрытию рынка капиталов для всех российских банков и компаний. В этой ситуации необходимость погашения внешнего долга создавала давление на российский платежный баланс и вела к ослаблению рубля в конце прошлого года, когда суммы погашений долгов были максимальными. Вместе с тем, нельзя забывать о том, что с середины прошлого года мировые цены на нефть быстро пошли вниз и концу года снизились более чем в два раза. (Я не являюсь сторонником конспирологических теорий и не верю в американско-саудовский

заговор против России и Венесуэлы). Будет справедливо утверждать, что снижение цен на нефть оказалось более сильнодействующим фактором, который и спровоцировал валютный кризис в декабре прошлого года: снижение цен на нефть до уровня декабря 2014 г. (\$48/бар) означает потерю около \$200 млрд. экспортной выручки в расчете на год, в то время как для погашения внешнего долга российским банкам и компаниям на 2015 год нужно примерно вдвое меньше средств.

Хотя прямой эффект экономических санкций представляется весьма ограниченным, их косвенные эффекты могут стать гораздо более серьезными и продолжительными по своему действию. Во-первых, достаточно болезненным для российской экономики стало резкое ускорение инфляции. Введение российскими властями эмбарго на поставки продовольствия из стран Запада подтолкнуло рост цен, который стал неконтролируемым в декабре-январе из-за резкой девальвации рубля.

Во-вторых, ускорение инфляции, девальвация и падение доходов федерального бюджета от экспорта нефти привели к необходимости радикального пересмотра бюджета на текущий год, что затруднило нормальное функционирование многих бюджетных учреждений, которые до сих пор не знают, сколько и на что им выдадут средства. Стоит ли говорить о том, что бюджетная конструкция будущего года министру финансов «видится в тумане»?

В-третьих, резкое падение экспортной выручки и необходимость погашения внешнего долга обусловили сильное падение импорта, что скажется и на текущем потреблении россиян, и, что более важно, на замораживании многих инвестиционных проектов. Падение инвестиций в России идет уже третий год и, представляется, это будет главной характеристикой нынешнего кризиса.

Почему введенные санкции оказались слабодействующими? Думается, что это не было случайностью – скорее всего Запад и не хотел использовать более жесткие меры воздействия на Россию, надеясь добиться перевода ситуации в переговорную стадию.

В Европе для крупного бизнеса проекты в России являются важным фактором развития, и поскольку бизнесу, очевидно, не хотелось терять свои позиции в России, его лоббистское давление не ослабевало ни на минуту. Для США, объем экономических связей которых с Россией является крайне незначительным, с одной стороны, Россия важна как партнер для урегулирования ситуаций в Афганистане, Иране, Северной Корее, в Сирии, в борьбе против ISIS (во всех этих «проектах» достижение успеха является весьма вероятным, что имиджево важно для нынешней администрации, поэтому именно на этих направлениях концентрируются и усилия, и ресурсы); с другой стороны, любые американские предложения по ужесточению санкций оборачиваются неизбежными дополнительными потерями для европейского бизнеса и потому с подозрением воспринимаются Европой.

Кроме того, поскольку основу российского экспорта (более 2/3) составляют углеводороды, отказаться от импорта которых европейская экономика не в состоянии, то ввести какие-либо санкции, ограничивающие российский экспорт, было невозможно.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Запад не имеет очевидной стратегии в вопросе о введении и/или расширении санкций; каждый раз этот вопрос обсуждается «с нуля». Ярким доказательством этому служит то, что самые жесткие – секторальные санкции – были введены после, в общем-то, частного эпизода – сбития малазийского «Боинга», который никак не повлиял на ситуацию в районе конфликта. И, напротив, несмотря на многочисленные заявления, никакого «санкционного» ответа на летнее наступление пророссийских сепаратистов на Мариуполь, которые принципиально изменило расклад сил в регионе, не последовало.

2. Запад по разным причинам не стремится усиливать экономическое давление на Россию и не считает санкции главным инструментом воздействия на Россию, предпочитая традиционные методы дипломатии.

3. Российская политика stop-and-go на востоке Украины (военная операция-переговоры-военная операция-переговоры) является оптимальной с целью минимизации угрозы введения новых санкций.

PS. Этот текст является русскоязычной версией Комментария, написанного для Центра глобальных интересов (Вашингтон, США)